

К Р О К О Д И Л

К 556/
/41F

Рис. Б. Пророкова

Еще раз к вопросу о...

В ПРЕССЕ неоднократно писалось о пользе изучения географии. Между тем еще имеют место факты, свидетельствующие о пренебрежительном отношении ряда товарищей к этой полезной отрасли науки.

В № 5 «Литературной газеты», в передовой статье, говорится о победах Красной Армии у озера Халхин-Гол.

В № 7 той же газеты, в передовой статье, описывается, как мы били врагов социалистической родины у озера Халхин-Гол.

И в той и в другой передовой вкралась неточность географического порядка. Вот почему мы считаем, что вообще пора поговорить о наших реках и озерах, с тем чтобы раз и навсегда установить, на каких реках и озерах Красная Армия била врагов.

Дон, Кубань, Терек — эти славные русские реки с удовольствием вспоминают, как на их берегах красные части громили денкинцев.

Днепр со всеми притоками может на опыте барона Врангеля рассказать о том, как не везет баронам в борьбе с Красной Армией.

«По Амуру по реке
Плавают сазаны,
Берегитесь, колчаки:
Едут партизаны».

Так поется в народной песне. Надо лишь добавить, что Красная Армия и партизаны били Колчака не только на Амуре, но и на Волге, Каме, Уфе.

Река Луга также может кое-что поведать. Юденич наступал на Петроград. «Таймс» писала в те дни (как видите, эта газета всегда отличалась точной информацией): «Падение Петрограда и гибель Советской республики последует через несколько дней». И действительно, через несколько дней на реке Луге и в ее окрестностях храбрый Юденич получил такую увесистую пощечину, что звон ее был услышан и в Лондоне и в Париже.

«Разведу тальянку шире,
Слушай, братья-друзи:
Потонул Колчак в Сибири,
А Юденич — в Луге»...

Что же касается Северной Двины, то ее очень хорошо запомнили английские интервенты. А французским войскам мы для получения побоев предоставили не реку, не озеро, а целое Черное море.

Иное дело пилсудчики — их мы били на реках: Днепре, Буге, Сане и др.

А белофинны с давних пор привыкли быть битыми у озер. В 1919 году они получили свою порцию у Ладожского озера. Ныне, через двадцать лет, — у того же озера, а также у остальных 35 тысяч озер Финляндии.

Но вернемся к «Литературной газете». Она вполне права, утверждая, что мы били на Востоке врагов социалистической родины. Это имело место и у озера Хасан и у реки Халхин-Гол.

У озера Халхин-Гол противник не понес никаких потерь лишь потому, что такого озера нет.

О чем и ставим в известность широкие круги читателей.

Рис. К. Елисева

Мишени разные, цель одна.

Рис. Л. Бродаты

— Ну-ка, снажи, за что ты воюешь?
— За свободу и демократию.
— Правильно, молодец!
— Нет, я имею в виду свободу и демократию в Индии.

Рис. Ю. Ганфа

— Дети мои, сегодня в районе Ладожского озера не летная погода. Оставайтесь дома.

Ч е р ч и л л ь . . .

НАЧАТЬ с того, что Уинстон Спенсер Черчилль — хоть и не лорд и не сэр, а просто мистер, но тем не менее происходит от герцогов. Его отец, лорд Рандольер Черчилль, был третий сын седьмого герцога Мальбаро (прямой потомок «прославленного» Мальбрука). Кровь в Уинстоне течет голубая, но с примесью. Папаша, чтобы поправить дела, женился на богатой американке.

Возраст у Черчилля не то чтобы молодой, но и не старый, как раз министерский. Всего 66 лет. Мечта его жизни — быть премьером. Но премьером ему не быть. Не принимают его до конца всерьез. Еще про папашу, лорда Рандольера, старый Сольсбери говаривал:

— Черчилль, что прыщ на носу. Всегда впереди и вечно нехстати.

Сын в батюшку. Такой же прыщ, только гнойный. Сказалась эпоха.

В премьерях Британии должен быть деляга, серый и скучный. Так полагается.

А Черчилль — не то. Акции немного. Деньги? Жалованье члена палаты, ныне министра (каких-нибудь 5 тысяч фунтов стерлингов в год), доходы от книг. Заработок, конечно, приличный, но не миллионы. Легковесный министр. Больше слуга чем хозяин. Опять же непостоянный. Был консерватор, потом либерал, теперь опять консерватор.

Убеждения? От конъюнктуры. Он сам в своей книге «Мысли и приключения» с любовью приводит слова Эмерсона:

«Глупое постоянство... свойство мелких умов... Говори то, что ты думаешь, сегодня в резких словах, чтобы завтра в не менее резких словах сказать прямо обратное...»

Черчилль цинично откровенен. И этого не любят ханжи из Сити.

Именно Черчилля поучал лорд Хартингтон (позже герцог Девонширский):

— Я всегда считал правильным, прежде чем произнести речь на многочисленном собрании, сказать себе с убеждением: «Я никогда в своей жизни не видел такого скопища проклятых идиотов».

Рыцарь блестящей фразы, Черчилль в предисловии к одной из своих многочисленных книг приводит французское изречение:

«Мир стар, говорят. Я верю, и все же его надо забавлять, как ребенка».

И Черчилль забавляет мир, забавляется сам всю свою жизнь.

В каких только «забавах» он не участвовал! В колониальной войне Испании на Кубе, где он был в испанских войсках добровольцем. В военной экспедиции в Египте. В англо-бурской войне, где он выдал совсем необычные вещи. Англичане воевали сами, а не чужими руками. Потому и были много раз биты, потому и бросили против 50 тысяч буров 450 тысяч англичан, брали в плен и расстреливали женщин и детей. Министр внутренних дел в 1908 году, он посылает войска против бастующих рабочих.

В 1911 году Черчилль — морской министр и готовит «большую забаву» — мировую войну. После войны он все еще забавляется. Черчилль — организатор интервенции против Советской страны. Ведя нагло перстом по карте бывшей Российской империи, он отмечает кровавые стоянки денкинских золотопогонников и злорадно восклицает: «Мои войска!»

«Забаву» обошлась английской нации в 1 миллиард фунтов стерлингов, не считая большого позора.

«Забавы» Черчилля прискучили Сити. Что-то они неудачны. И он не у дел. Брюэжит, интригует, то он с крайними твердолобыми, то с «молодыми тори». Никак не прорваться к власти. Год 1939. Война. Черчилль мечется, рвется в бой.

Черчилль — министр. Победные речи, хвастливый задор. Потомок Мальбрука в поход собрался. И в тот же день... стал нервничать. Побед не видать. А кораблики тонут.

Черчилль волнуется. Ему несмешно. Нет афоризмов, блестящих и броских. Светский лев, блестящий оратор обмяк, заскучал, заскулил. Что ни речь, то истерика. Почему не воюют нейтралы? Империя может погибнуть, а им все равно. Не позволим, заставим.

А «свои»? Где австралийцы, канадцы, новозеландцы, южноафриканцы? Что-то они не торопятся. Что же? Воевать не чужими, своими руками? Но это совсем не забавно. К тому же опасно: могут побить.

«История человечества — это война», — так писал Черчилль в 1932 году.

Да, когда историю делают Черчилли. Но история отвернулась от Черчиллей, и, чувствуя это, Уинстон Спенсер, потомок герцогов и сын «прыща», захандрил и взвыл, уподобясь не льву, а тому домашнему животному, которое имеет привычку выть на луну.

А есть примета: пес воет на луну — быть, быть покойнику!

Дж. ГОЛЬДХИЛЛ

В землянке

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ

Рис. Ю. Ганфи

РАЗГОВОР происходит в землянке комбата.

— Ну, що я могу рассказать, — заявил нам старшина товарищ Черный. — Моя обязанность такая — снабжать роту разными пособиями: гранатами, патронами и, конечно, горячей пищей. Що рассказывать? При моем существовании еще не было такого случая, щоб рота осталась без горячего.

— Расскажите, как вы раненого бойца спасли, — говорит комбат.

Товарищ Черный подсаживается ближе к железной печке и подкладывает несколько поленьев дров. В это время в лесу слышны резкие удары орудий.

— Наша дивизионная по их укреплениям шпарит, — тихо сообщает нам Черный и затем продолжает:

— Еду я ночью с обозом... Чую, що в лесу кто-то кричит: «Товарищи, спасайте!» Сначала подумал: «Может, это белофинские штучки, чтобы нас замануть». Прислухаюсь. Сердце мне подскажет: «Это свой». Подхожу до своего товарища, вин тоже донбасский, тоже, как я, молотобойцем был, и говорю ему: «Хочешь мне компанию составить?» Согласился.

Прошли метров двести, слышим: кричит. И наскочили мы на проволоку. Я шинель снял, кинув ее на проволоку, наступив валенком и перелез на другую сторону. Прыгнул и попал в окоп с водой. Выскочил и кричу: «Петро, не прыгай, тут вода». Мой товарищ остался за проволокой, а я шую раненого. Нашел. Лежит боец, и нога у него перебита осколком. Я взял его пакет и свой пакет, сделал перевязку, снял свой подшлемник и закутал ему ногу. Подымаю — тяжелый хлопец. Позвал товарища — понесли вдвоем. Метров сто прошли — снег глубокий... Тяжело. Я говорю раненому товарищу: «Ты побудь тут с моим бойцом, а я достану носилки, может, не веришь мне, так пусть моя шинель залогом остается». Накрыл его шинелью и выбегаю на дорогу. Смотрю: нету моего обоза. Що делать? Чую, что-то грохочет. Подходит якась часть. Подговорил санитаров, они пошли со мной и принесли бойца. Оказывается, этот боец из их же части был.

— А как вы в бой ходили?

— Можно рассказать. Признаться по чести, мне надоело с обозом ходить, хотя сознаю, что дело это нужное... Ну, прихожу раз к своим ездовым и говорю им: «Як хотите, товарищи, чи досвидання, чи прощайте. Только оставляю вам командира отделения, а сам иду в бой».

Потрощался с хлопцами, взял гранаты, винтовку-автомат и пошел на передовую линию. Прихожу и вижу: лежит взвод бойцов за камнями, а впереди наши две танкетки стоят.

Спрашиваю: «В чем дело, почему не продвигаются?» Старший лейтенант говорит мне: «Впереди танкеток, на дереве, белофинн с ручным пулеметом сидит, танкетки из пулеметов его никак не нащупают. Их плохо видно. Его с фланга обойти надо, а там болото».

— Позвольте, — говорю, — сниму его.

Перебежал я до одной танкетки, а он бац по гусенице, аж пыль мне глаза засыпала. Думаю: «Не попал».

Я к другой танкетке, а он бац по башне, опять не попал. Я между танкетками проскочил и за камни. «Теперь, — думаю, — можешь стрелять, у меня тоже автомат». Дав я очередь — стреляет. Пригляделся я и вижу: на толстом дереве такая соломенная кошелка. Значит, он там. Взял другой прицел. Дал очередь — замолчал. Только я поднялся, как по мне их станковый пулемет как даст. Я за камни, а он чешет, а он чешет.

«Ну, — думаю, — раз такое дело, так у меня гранаты». Обошел я их с фланга и думаю:

«Как я их сниму: одной гранатой чи двумя?»

Дал одну гранату и не пожалел вторую. Стало тихо. Можна нашей пехоте идти дальше. Вернулся и докладую: «Товарищ старший лейтенант, задание выполнено».

Вот и все мое военное положение — больше рассказывать нечего. Капитан М. ЭДЕЛЬ
Действующая армия.

ДЯДЯ САМ: — Я тебя по-дружески снабжаю оружием, а ты забрал адресованные мне письма.

ДЖОН БУЛЬ: — Я только хотел их прочесть. Какие могут быть тайны между друзьями!

Боевые друзья

Мы врагов своих согнули
В эту ночь в бараний рог.
Чтоб они не удирали,
Стерегли их все, кто мог.
У заставы, окруженной.
Стали в караул ночной
Даже повар батальонный.
Парикмахер и портной.
И сказал один: «Отлично.
Я меню переменяю,
Новавар всегда привычно
Быть поблизости к огню.
На земле богатой нашей
Я голодных не люблю,
Так и быть, свиной кашей
Всех пришельцев накормлю!»
И сказал другой: «Ну что же,
Что тут даром говорить:
Парикмахер — он ведь тоже
И врагов умеет брить».

Только б встретить поскорее,
Пусть хоть ночью, пусть хоть
днем,

Я не хуже батареи
Сбрею их своим огнем!»
Третий сжал винтовку ту же:
«Все покрыто серой мглой,
Но винтовкою не хуже
Я владею чем иглой.
Раз уж им необходимо, —
Без примерки тут в бою,
Саван из огня и дыма
Неприятелю сошью!»

Мы врагам и в самом деле
На обед свинца нашли,
В саван их стальной одели,
Сбрили их с лица земли!

К. СИМОНОВ

Рис. Л. Бродаты

КАРЛ XII (1682—1718), король Швеции, сын Карла XI. В 1709 году был наголову разбит русскими войсками под Полтавой. Крокодил дает портрет почтенного короля из опасения, что некоторые горячие руководители шведских социал-демократов позабыли о его существовании.

Дорогая редакция Крокодила!

Во время выполнения срочного задания в секретной части Финского залива мною был найден на дне прилегаемый ниже дневник белофинского али-луутнантти (младшего лейтенанта) Песьилайнена. Поскольку дневник представляет научный и военный интерес, пересылаю его тебе с просьбой опубликовать.

*С эпроновским приветом
водолазный старшина Никита Крамболов.*

ДНЕВНИК

1.XII.39. Сегодня достопочтенный президенти Каллио объявил состояние войны с проклятыми большевиками. С 11 утра до 5 вечера мы молились о даровании нам России до Владивостока, который является древним городом Суоми. Пастор сказал прочувствованную проповедь, призывая истреблять коров, лошадей, собак, кошек и блох в пограничных районах, чтобы они не достались большевикам. Мне было немного непонятно, зачем же истреблять свое добро, если мы будем наступать. Но капитани Сукинен разъяснил мне, что это

для практики. После богослужения пили за барона Маннергейма с 5 вечера до 5 утра.

2.XII. Вызвали в штаб. Когда я шел по улице, в голове гудело. Я думал, что это от вчерашнего. Но оказалось, что это гудели большевистские самолеты. Когда я подошел к штабу, — дом вдруг исчез с грохотом и огнем. С трудом я разыскал в битых кирпичах вара-адмирала Уусикакки, который сказал мне, что я назначен старшим артиллеристом на лайбу «Суоми». О, теперь я покажу большевикам! Выпил по случаю назначения.

3.XII. Принимал должность. Панцери-лайба — очень хороший и могущественный корабль. Пушки очень хорошие и могущественные. Команда очень хорошая и могущественная. В полдень начали принимать боевой запас — снаряды, присланные нам нашими английскими друзьями. Снаряды очень хорошие и могущественные. На них стоят английские арсенальные клейма с датой — «1878 год». Я думаю, что это очень хорошо. Снаряды должны были отлично вылетаться и накопить большую разрывную силу.

7.XII. Сегодня объявили, что скоро мы пойдем в решительный бой с большевистским Балтийским флотом. О, мы разнесем его в полчаса! Нам читали лекции в нашем морском училище, что у большевиков нет никаких боевых кораблей, потому что в их стране нет никаких материалов, из которых можно построить флот. Они сделали картонные макеты и пугают ими. А вместо снарядов они стреляют картошкой. Это говорил нам в своей речи сам маршал Маннергейм, а уж он-то знает. Сейчас готовил к бою свою артиллерию. Английские снаряды очень свободно бьются в казенниках, но зато отлично входят с дульного среза. Поэтому пришлось провести большой аврал, перевернуть все пушки казенниками кверху. Так они выглядят еще страшнее и могущественнее.

12.XII. 10 ч. 30 мин. Подходя к острову Сескари, увидели на горизонте какие-то серые громадные тени. Капитани сказал, что это советские линкоры, и приказал звонить боевую тревогу. Звонки оказались неисправными, и капитани послал меня бегать по лайбе и звать матросов на месте. Пробегая по палубе, я взглянул еще раз на советские линкоры. Хотя они и картонные, но слишком большие. Это очень неприятно.

10 ч. 33 мин. Открыл огонь по первому советскому линкору. Странно, что мои снаряды, едва вылетев из дула, падают рядом с бортом и не рвутся. Я обеспокоился, но потом сообразил, что это английская хитрость. Снаряды будут рваться с замедлением, когда над ними будут проходить советские корабли, идущие вслед за нами. О, англичане — очень хитрый и могущественный народ!

10 ч. 35 мин. После третьего залпа случилось непонятное. Было очень много шума, дыма и огня. Передняя часть лайбы с первой башней до самого мостика ушла неизвестно куда. Только сейчас понял, что она отделилась и пошла, очевидно, в обход советских кораблей, чтобы ударить с фланга. Я знал, что наша кораблестроительная техника лучшая в мире, но не думал, что мы дошли до такого совершенства, чтобы строить составные корабли, которые могут разделяться во время боя.

10 ч. 40 мин. Не успел дойти до юта, как вновь было много шума, огня и дыма. Теперь корма до шкафута отделилась от корабля и пошла обходить большевиков с другого фланга. Теперь ясно, что мы побеждаем и скоро потопим советские линкоры. Мы остались на одном шкафуте, но продолжаем храбро сражаться. Головной советский линкор подошел на то место, где мы были в начале боя, но наши снаряды еще не рвутся.

10 ч. 42 мин. Наш шкафут покрывается водой. Сперва я очень испугался, но потом понял, что средняя часть нашей лайбы представляет собой замаскированную подводную лодку. Сейчас мы скроемся под воду и пойдем в окончательную атаку на советские корабли. Я стал загонять матросов в нижнюю палубу, потому что нельзя оставаться наверху, когда лодка идет на погружение: можно утонуть. Но матросы не хотят и неприлично ругаются. Грубое мужичье!

10 ч. 45 мин. О чем думает этот дурак капитани, который управляет кораблем? Он погружается все глубже. Вода мне по пояс. Он же утопит меня, саатана пергола... Какая холодная вода! Маама!.. Спа..

(На этом дневник обрывается. На страницы налипла рыба чешуя, и дальше прочесть невозможно).

Перевел с белофинского
БОРИС ЛАВРЕНЕВ

Действующий Краснознаменный
Балтийский флот.

МАННЕРГЕЙМ У ПАРИЖСКИХ МЯСНИКОВ

Рис. Кукрыниксы

— Мясца бы нам, пушечного...
— Остался только третий сорт. Малость испорчено,
не взыщите.

Как сообщает а

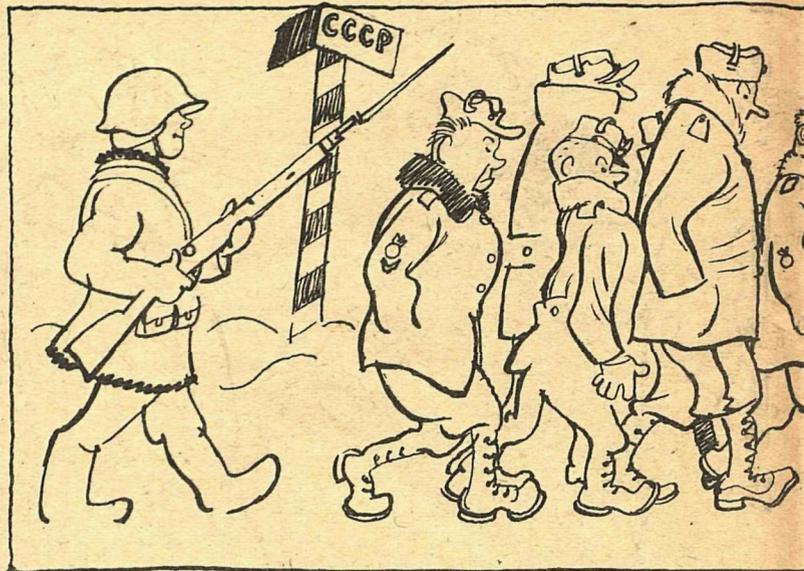
Рис. К. Ротова

Известно, что Гавас придерживается
врать, чем один раз сказать правду.
Ниже приводим несколько телеграмм
искусства. А рисунки худ. К. Ротова
Гавас и как сообщает агентство Гавас.

Рис. Н. Лиса

Красная Армия выполняет и пере-
выполняет нормы ГТО.

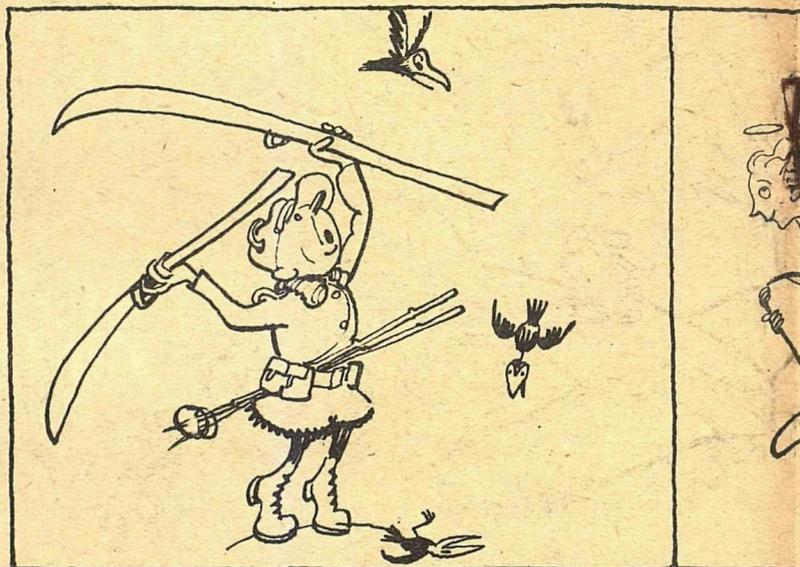
ПАРИЖ, 31 января (Гавас). Как перед
барона Маннергейма мужественно продвигаю
большой отряд шюцкоровцев перешел совет
Поражает доблесть рядового Ничевой
потерь, захватить несколько русских пушек

Рис. А. Радакова

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

— Как дела на театре военных действий?
— Ничего. Собираемся открыть филиал в нейтраль-
ных странах.

ПАРИЖ, 32 января (Гавас). По сообщению на-
шего корреспондента из Венеции, к северу от Ла-
дожского озера сбито несколько советских самолетов
типа «ВС» (Ворона-Сорока). Лейтенант Трепайнен,
совершивший этот подвиг, благополучно вернулся на
свою базу.

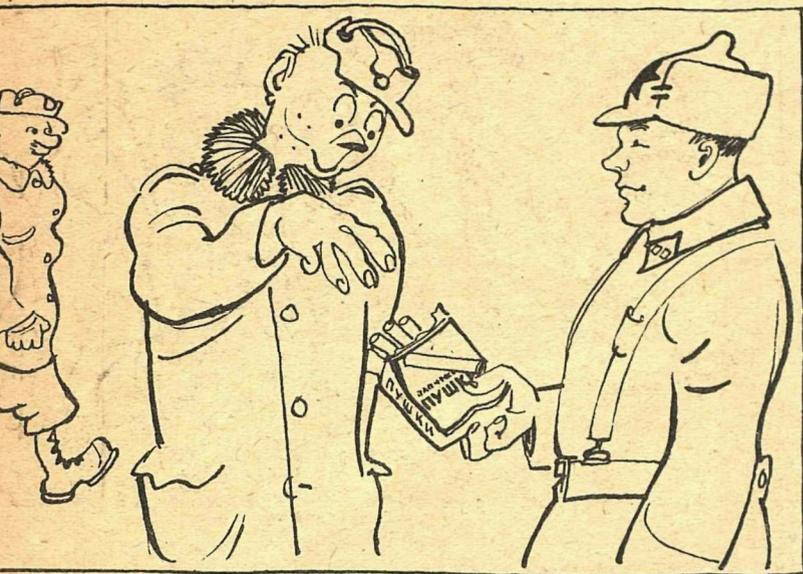
ПА
что с б
увеличи

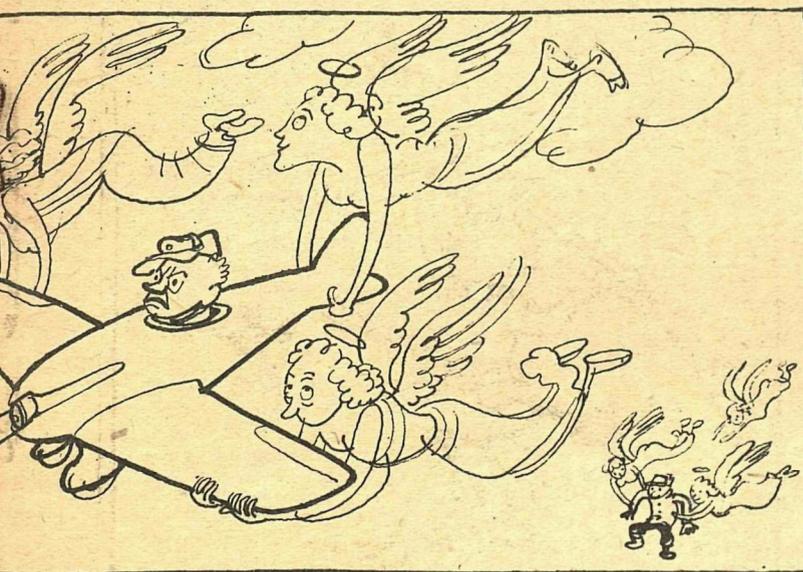
ПАРИЖ, 34 января (Гавас). Как сообщает наш корреспондент
жера (польская столица, окрестности Парижа), иностранные банки
помогают барону Маннергейму, укрепляя его силы, несколько пош
после одержанных побед.

Агентство Гавас...

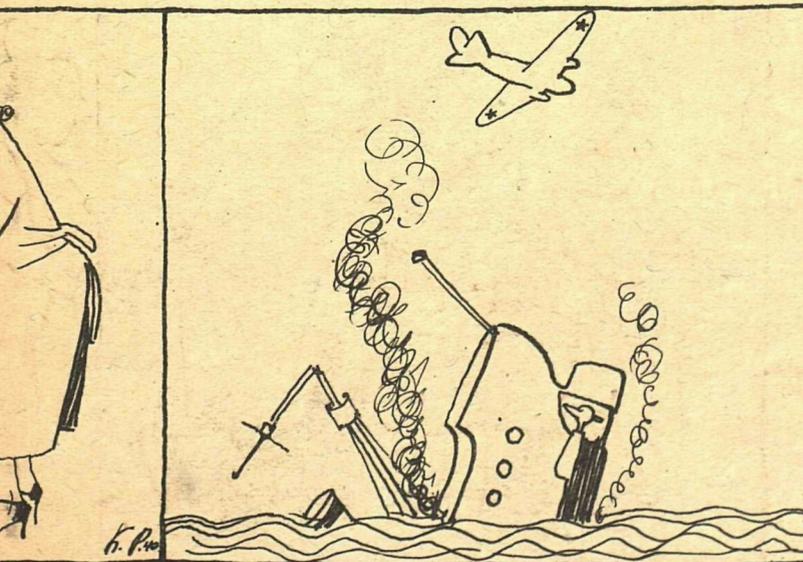
и золотого правила — «Лучше семь раз со-
м, написанных по всем правилам гавасского
глядно показывают, что сообщает агентство

даёт наш корреспондент из Женевы, войска
тятся назад. А на одном из участков фронта
скую границу.
мена, которому удалось, не понеся никаких
и системы «Дукат».

ПРИЖ, 33 января (Гавас). Наш корреспондент из Йоркшира сообщает,
оужей помощью воздушный флот барона Маннергейма значительно
ися.

нт из Ан-
ачительно
пнувшись

ПАРИЖ, 35 января (Гавас). Наш корреспон-
дент из Уругвая передает, что благодаря находчиво-
сти и храбрости капитана Вральянера еще одному
белофинскому военному кораблю удалось скрыться
от советских бомбардировщиков. Не везет русской
авиации!

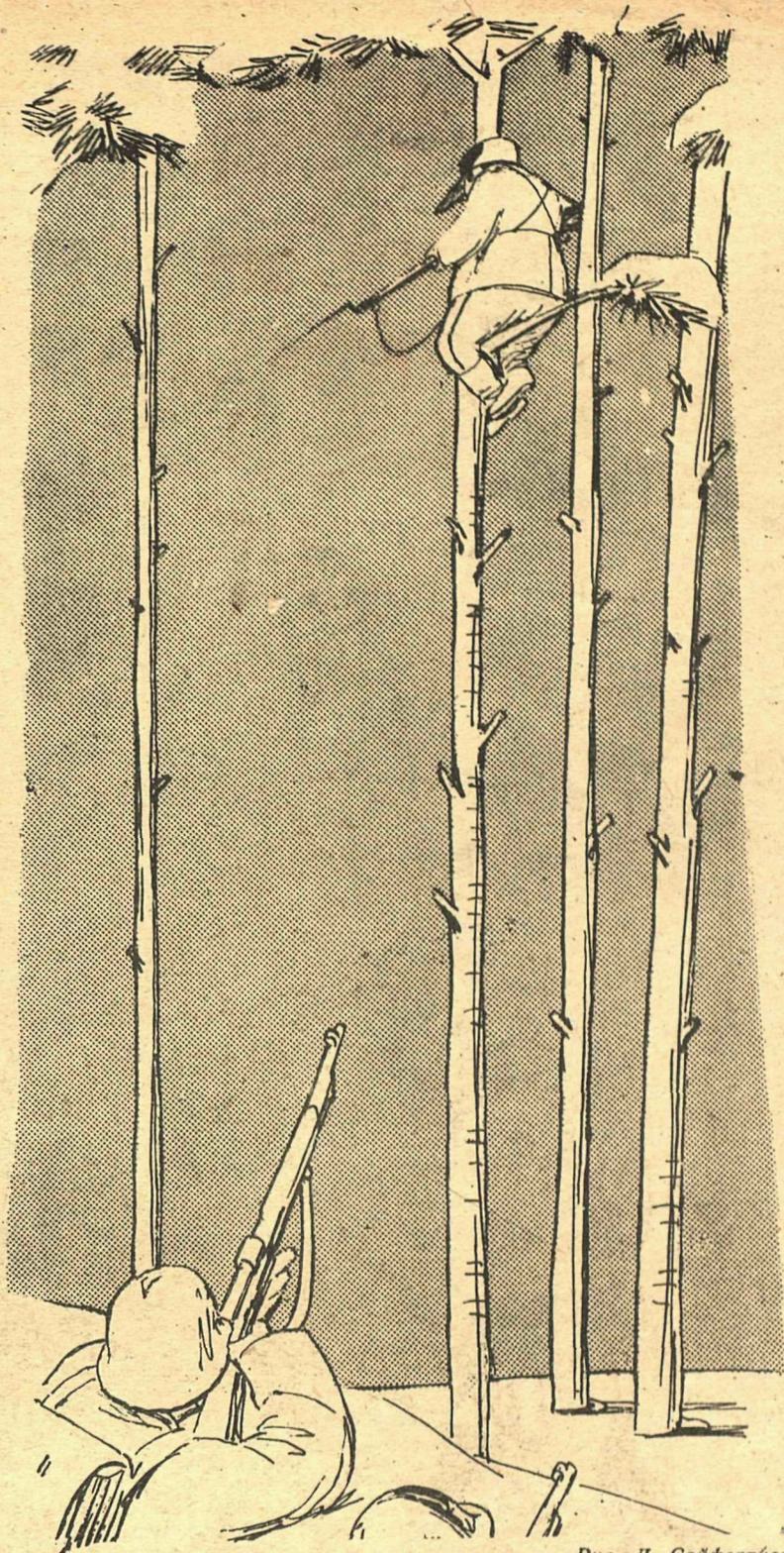

Рис. Л. Сойфертиса

— Кукушка, кукушка!.. Сколько тебе жить
осталось?

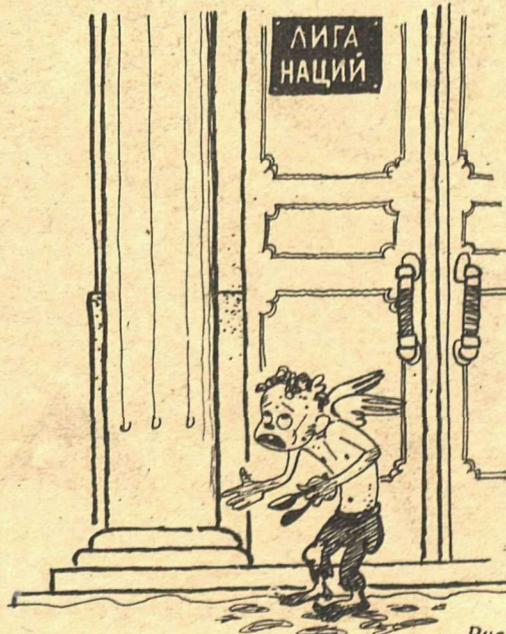
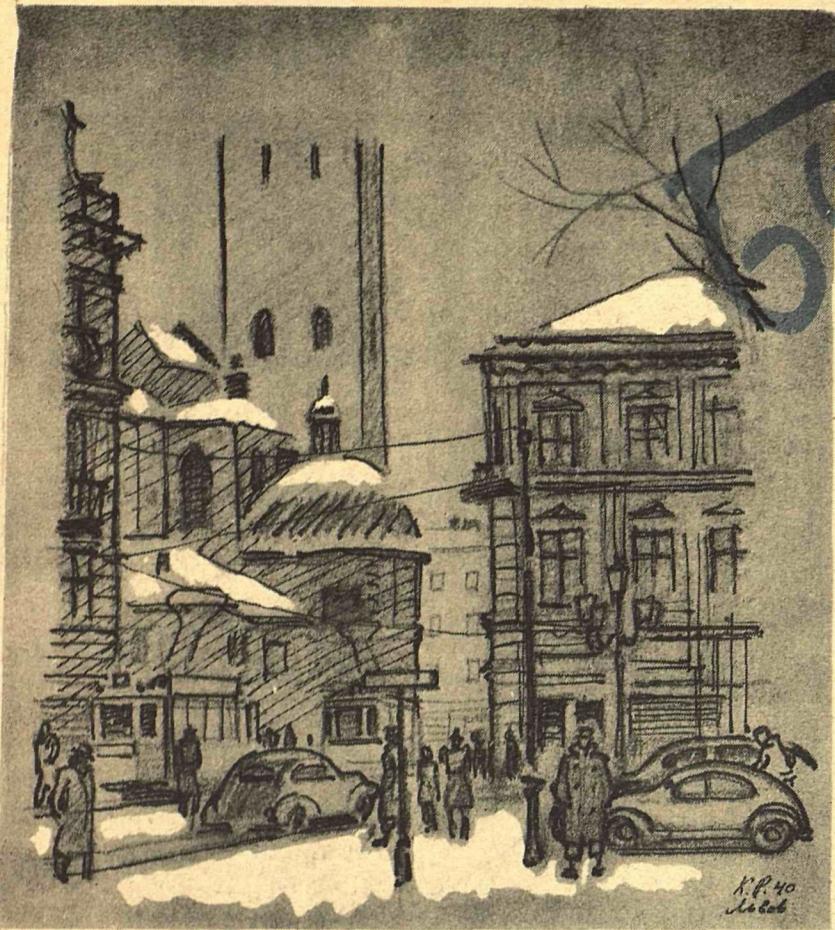

Рис. К. Рогова

— Подайте бывшему ангелу мира
на вооружение.

Бывшая заграница

(Белые заметки)

Зарисовки Н. Ротова

Слово, примелькавшееся у нас, чудесное слово «товарищ», уже начинает вытеснять «пана». Но «пан» звучит на каждом шагу. Еще более странно звучат слова «товаришка» и «коллежанка». Оказывается, «товарищ» и «коллега» здесь имеют и женский род.

Кстати о женском роде вообще. Мы видели во Львове совсем маленьких девочек, завитых по последней моде, одетых по последним парижским моделям. Наши девушки хотят быть врачами, инженерами, юристами, биологами, пилотами. Девушки во Львове воспитывались больш-

И адвокаты расплылись по всему городу, хватая самые разнообразные должности. Все-таки образованные люди.

Первое время мы даже путались в этом адвокатском наводнении. Референт в областном торговом отделе — бывший адвокат, кельнер в гостинице — бывший адвокат, администратор кино — бывший адвокат. Мы уже с тревогой спрашивали новых знакомых: «А не адвокат ли вы, гражданин?»

Постепенно удалось выяснить причины такого адвокатского засилья.

Дело в том, что Львов — не промышленный город. Он всегда был административным центром. Здесь в свое время помещалось австрийское наместничество, потом польское воеводство. И родилась соответственная основная интеллигентная профессия.

Где есть уголь, — там инженеры-горняки, где много металла, — там металлурги. Это естественно. А во Львове всегда было много несправедливостей и тяжб. А где тяжбы, — там и адвокаты. Благо и наместничество и воеводство поставляли поводы для тяжб в неограниченном количестве.

Прошло только три с половиной месяца. И не мудрено, что есть люди, которые еще не могут понять того нового, что несет с собой советская власть. Так скоро не меняется психология. И, конечно, есть еще враги, которые саботируют и вредят, вернее, стараются вредить на каждом шагу.

Недалеко от проспекта Легионов — центральной улицы Львова, — в маленьком переулке, идет оживленный торг. Не успеваешь вы остановиться, как к вам подходит человек и, тронув вас за рукав, говорит:

— Пройдемте сюда.

Он ведет вас через двор на пустую лестничную площадку и там тихо спрашивает:

— Пан мает доллары?

Здесь черная биржа. Идет лихорадочная спекуляция.

Враги стараются во все тяжкие. Недавно, например, когда банк получил много тридцатидолларных купюр, неожиданно был пущен слух, что в Советском Союзе тридцатки отменены. Но паники создать, конечно, не удалось, как не удаются и не могут удасться и другие провокации.

Львов — советский город, и с каждым днем он все быстрее и быстрее догоняет своих собратьев — остальные города Советского Союза.

Но это сложный процесс. Все-таки, повторяем, три с половиной месяца назад здесь была заграница.

Сейчас можно спокойно и уверенно сказать: была и больше никогда не будет.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ.

ВО ЛЬВОВЕ есть люди, непохожие на наших мелких спекулянтов.

Один из них вошел в наш номер рано утром с приветственным криком:

— Слава Иисусу Христу!

— Здравствуйте, — ответили мы уклончиво.

Он снял шляпу и пожал нам руки, каждый раз называя короткую, похожую на крик хищной птицы, фамилию. Да и весь он был похож на эту птицу: худой, длинный, с небольшой головой и носом-клювом. Сходство дополняло темное пальто и привычка размахивать руками.

Так мы познакомились с Романом Гралем, авантюристом, коммерсантом и коммивояжером, объездившим чуть ли не весь мир, побывавшим в таких местах, которые есть не во всех учебниках географии. Трудно было, глядя в его острые глаза, слушая живую, темпераментную речь, следя за легкими движениями, дать ему его пятьдесят лет.

Прекрасно одетый, знаток этикета, ловкий делец, Граль был, безусловно, очень неглупым человеком. Его жизненная философия запомнилась нам надолго. Мы, только читавшие о том, как уродует капитализм психику людей, впервые увидели живое олицетворение этого.

Вот что говорил о жизни Роман Граль:

— Как мы жили? По-разному. Я, например, жил хорошо, зарабатывал, сколько хотел. Хотел восемь тысяч — было восемь, хотел десять — было десять. Жил не хуже министра. А вообще как люди жили? А вот как. Кто был дурак, того ели! Все ели. И я ел! Кто был справедливый человек, тот ходил со свечкой и шукал справедливости. Были и такие. Только зря они шукали. Не было справедливости. А кто был сукин сын, тот всех ел и ему было хорошо. Я так жил. Ну, а у вас, конечно, система другая. У вас, говорят, сукиных сынов бьют?!

Польский язык доставил нам немало неприятностей. Прежде всего слово «пан». Кажется, ясно: пан — это пан. Толстый, красномордый, богатый. Так думали, так и писали.

Во Львове мы услышали, как гардеробщик сказал швейцару: «Пан». Сказал уверенно и во всеулышание. Каемся, мы долго подозревали этого швейцара в том, что его фамилия Потоцкий или Радзивилл. Однако и дворнику и кондуктору трамвая говорили «Пан». Более того, скоро и мы сами стали «панами». Пан — общепотребительное обращение поляков друг к другу. Независимо от социального происхождения и классовой сущности.

шей частью в одном, весьма определенном направлении. Они должны были всеми силами стремиться к тому, чтобы поскорее стать женами и тем самым избавить отцов или братьев от лишнего рта. Судьба невеселая, что и говорить.

И тут нельзя не вспомнить Люсю Путерхандель, дочь портного Лазаря Путерханделя, нашу милую львовскую знакомую.

Отец ее, большой мастер своего дела, славился еще и тем, что всякий разговор с любым клиентом сводил к вопросу о браке дочери:

— Пан не женат? Ах, пан женат... А, может, пан знает кого неженатого? Пан не знает. А, может, пан знает того, кто знает?

Подобный разговор пришлось испытать нам всем. Бедняжка Люся, пунцовая от смущения, потупив большие черные глаза, переводила нам заковыристые вопросы нежного отца:

— А вон тот пан, кажется, холостой? Почему же пан не женится? Ах, пан сам не знает? Кто же знает? Может, у пана, есть девушка в Москве? Так во Львове девушки гораздо лучше. Я вам говорю как отец: женитесь только во Львове!

Сладить с расхोлившимся стариком и переключить его на другие темы было совершенно невозможным делом.

Люсе девятнадцать лет. Она кончила коммерческое училище, помогает отцу в его работе, ведет все счета, много читает и думает. И вот переводит на русский язык вопросы отца, переживая это каждый раз как личную драму. Самое дикое здесь то, что отец, безусловно, любит дочь и хочет устроить ее жизнь получше. А получше здесь означало выгодное замужество. Других путей для дочери не находилось. Теперь эти пути есть. А старик Путерхандель никак не может это усвоить. Таких дочерей и таких отцов здесь достаточно.

Не будучи пророком, легко можно предсказать их новую судьбу. И сделать это можно куда лучше чем, скажем, один прославленный варшавский ясновидящий, который босиком и без вещей прибыл во Львов, хотя упорно предсказывал великую Польшу скорую и решительную победу по всем линиям. Интересно, как это пророк не успел предсказать себе брюки и ботинки на дорогу.

В городе удивительно много адвокатов. У каждой двери три-четыре таблички «адвокат такой-то», «нотариус такой-то».

Сейчас адвокаты оказались как-то не у дел. Советского права они не знают, а польское право во Львове — не ходкий товар.

Графиня Люба

(Из фронтового блокнота)

БЕЛОФИННЫ уничтожали при отступлении все, что только возможно. Но вот в поселке, который носит название с окончанием «ярви», мы обнаружили домик около самой дороги. Из трубы клубился легкий белесый дымок. С затаенной надеждой прошли мы мимо обгоревшей изгороди, поднялись на крылечко. На желтой двери красовалась медная дощечка с надписью: «Гос-н А. В. Лукьянов».

В домике было три комнаты. В одной из них на мягком диване с резными витиеватыми ручками богатырским сном спал артиллерист в огромных сапогах. Он подостлал под ноги газету, чтобы не запачкать зеленый плюш. В кухне около очага сидели бойцы и жарили оладьи.

— Нельзя ли у вас поселиться? — робко спросил секретарь редакции.

— Поселиться? Та де ж вы вместитесь? Вишь, толкучка какая!

Артиллерист, жаривший оладьи, говорил с украинским акцентом. Он налил тесто на сковороду. Помолчал. Потом спросил:

— А кто ж вы таки будете?

Сергей Серпокрыл, наш секретарь, уже более смело ответил:

— Из редакции. Нам бы хоть наборщиков устроить...

— Из нашей? Из «маленькой»? Та вы давно бы так и сказали... Эй, Степан, подымайсь! — крикнул он спавшему на диване товарищу.

Так мы обосновались в домике бежавшего русского белогвардейца Лукьянова, которому на склоне лет вторично и второпях пришлось бежать от Красной Армии. В комнату принесли кассы со шрифтами, наборщики взяли за верстатки — и через два часа вышла свежая газета.

А через несколько дней белофинны начали обстреливать поселок. Один снаряд разворотил уборную господина Лукьянова.

— Вот как пристрелялись, — с мрачнокомическим видом произнес кто-то из наборщиков, — бьют в самые уязвимые места...

После этого происшествия мы решили сделать из погреба подобие блиндажа. Вооружившись лопатами, начали выгребать из погреба мусор, пепел и снег. Заступ наборщика Кознева вдруг ударился о что-то металлическое. Под слоем мусора нашли две обгоревшие старые русские белогвардейские сабли с уцелевшей позолотой на эфесе и кованый ларец. Из «боевого» офицерского оружия Кознев сделал кочергу. В ларце были полуобуглившиеся письма, открытки. Мы решили просмотреть их на досуге.

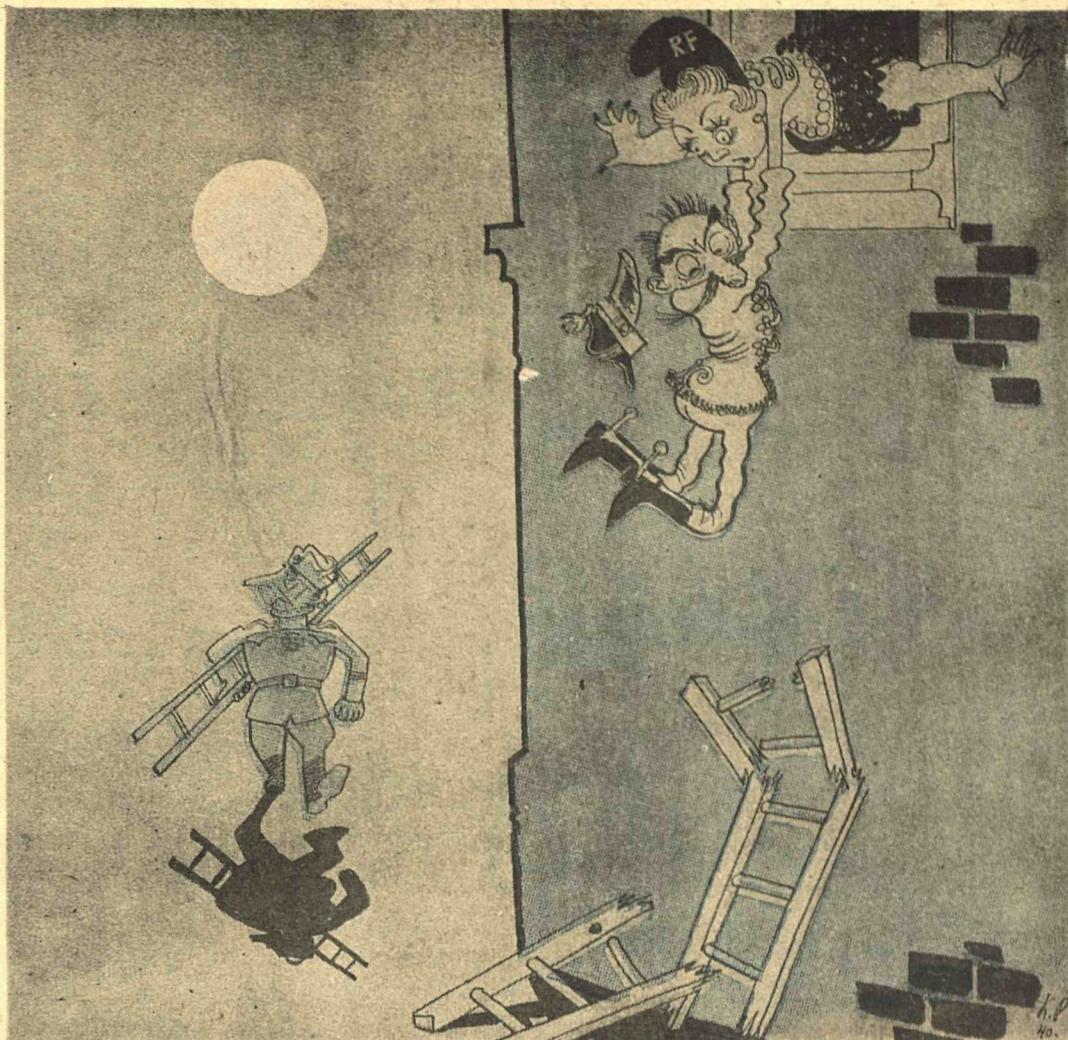
Его превосходительство Александр Васильевич Лукьянов, владелец двух именных сабель, был в войсках Юденича, едва унес ноги от Красной Армии, поселился в гостеприимной для белогвардейцев Финляндии и занялся комиссионной деятельностью. С клиентурой у него велась обширная переписка. Одно время сановная белогвардейщина: генералы, князья, графы — увлекалась как наиболее доходным промыслом... солкой огурцов. Малая толика этих доходов перепала и господину Лукьянову.

«Ваше превосходительство, Александр Васильевич!

Я узнал, что у князя Лешко есть бочки, приобретенные от американцев из-под американского сала для посолки огурцов и которые у него не использованы. Мне нужны такие бочки. Я очень бы просил вас узнать у него, продаст ли он часть из них, и если продаст, то сколько хочет за штуку. Когда будете узнавать, не говорите, что для меня, иначе дерет он с меня вдвое... Так как дело это спешное, то очень прошу вас быть столь любезным и не задерживать ответом. Преданный вам штабе-капитан Е. Ермолов».

На обороте письма сохранился черновик ответа. Лукьянов писал с твердыми знаками и с ятями:

«Милостивый государь, Евгений Егорович!

Нет отбоя от поклонников у прелестной Марианны! Еще висит на шее влюбленный пан, а на свидание из Хельсинки торопится очередной барон.

Извиняюсь, что задержал ответ. Говорил с князем. Бочки он решил не продавать. Говорит — осенью самому понадобятся. Но для вас бочки я постараюсь найти. Скажите, какую цену можете заплатить за штуку. У меня было сто штук. Продал их князю Салтыкову по 45 марок за штуку. Он тоже решил солить огурцы...»

В ларце было еще одно письмо от неизвестной графини. Изысканный стиль этого письма достоин внимания.

«Mon cher ami! ¹

Как вы живете-можете? Мы соскучились о вас. У нас все по-старому. Только граф заплашал. Здоровье его ухудшилось. И я тоже извелась — день и ночь плачу. А вот князь Лешко поправился, больше не плачет, отрастил физиономию. Загрибок стал красивый, как у борова, и брюхо, что у мясника. Развел большое куроводство, торгует яйцами. А сын его Леша служит лакеем в Або. Написали бы вы, как живете, расскажите, как ваша лошадь Сойка и Пекко. Мы свою собачку Лапку положили в яму. Я так плакала. Теперь Саша приказ дал — как только он умрет, его лошадь Пиркку тоже в яму, чтобы не продавать. На днях похоронили и Фому Ивановича. А вот князя Андрея и смерть не берет. Ездит, всем болтает, что я лес дорого продаю. Мелет, борона проклятая, что я картошку продать не могу...»

Дальше идут совершенно непечатные фразы.

А в конце письма скромная подпись:

«Графиня Люба».

— Где она теперь эта самая графиня Люба? — проговорил наборщик Кознев, переминая в печке горящие угли офицерской парадной саблей.

Юр. КОРОЛЬКОВ

Действующая армия

¹ Мой дорогой друг!

Потому что...

Задрожала комната
от рева,
Прискавал верхом
на палке Лева.
Нос распух
у Левушки горой,
Все глаза набухли
у бутуза.
— У Володи дядя...
Он герой,
Он Герой
Советского Союза,—
Хнычет Лева,
родичей вина.
— Разве я
Володи хуже?
Почему же,
почему же
Нет такого дяди
у меня?
— Цыц! — сказал Олег.—
Ну, до чего же
Тошно от такой
плаксивой рожи!
Ты закрой
слезливый свой фонтан,
Ведь володин дядя —
капитан —
Нам с тобой
обоим дядя тоже.
— Потому что,—
пояснил Олег,
На ревущего
серьезно глядя,—
Потому что
каждый
Наш советский человек
Всем ребятам —
тетя или дядя.

В. ГРАНОВ

Рис. Б. Клинка

— У нашего правительства, Джим, народ всегда на первом месте: средства для войны берутся главным образом у него.

Л е т н ы е ч а с т у ш к и

Ставьте ушки на макушки!
Слушай — фот не разевай!
Хочешь — пой мои частушки,
Хочешь — хором подпевай!

Видно, плохо стало Рюте
Наступил для Рюти пост,
На Карельском перепутьи
Отдавили Рюте хвост.

Таннер стонет, Маннер злится:

«Слышал новость? Прямо
страсть!
Удивительная птица
У Советов завелась!

Режет воздух без помехи
Этот чортов самолет:
Сверху сыплет на орехи,
Снизу — жару поддает!»

Не помогут в этой скачке,
Сколько дяде ни пиши,

Ни английские подачки,
Ни французские гроши!

Маннергейм получит ногу —
Оглушительный салют!
Эту ногу с самолета
Наши легчики пошлют!

Евг. ПАВЛОВ

Действующая истребитель-
ная авиация Краснознамен-
ного Балтийского флота.

Самовары-самопалы

Никогда не умирала
Слава тульских кузнецов.
Самовары-самопалы
Выпускаем для бойцов

ПРИПЕВ.

Самовары нашей сварки
Распрекрасные.
Наши тульские подарки
Первоклассные.

В нашем новом самоваре
Кран особый, боевой.
За версту врага ошпарит
Кипяточек огневой.

ПРИПЕВ.

Попадает прямо в точку,
Будто молния бежит.
Враг нашьется кипяточку,
Сразу замертво лежит.

ПРИПЕВ.

Чтоб врагу пришлось жарко,
Чтоб родным бойцам помочь,
Наши тульские готарки
Будем делать день и ночь.

ПРИПЕВ.

Мы друзей напоим чаем,
Тульских пряников дадим.
А врагов наугощаем
Мы чайком совсем дружим.

ПРИПЕВ.

Туляки — не самохвалы
Что сказали, то и есть.
Самовары-самопалы —
Наша слава, наш честь.

ПРИПЕВ.

Самовары нашей сварки
Распрекрасные.
Наши тульские подарки
Первоклассные.

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

Быстро-весело. Задание 55.

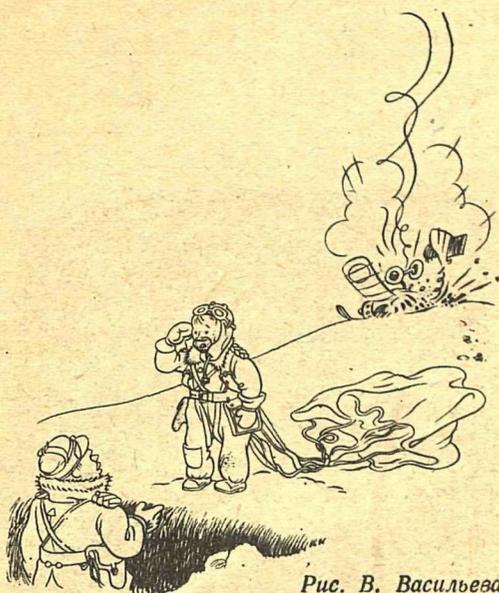

Рис. В. Васильева

— Каковы результаты вашей разведки?
— Успел разведать лишь одного противника.

Конокрад

НОВОЕ полотно Серафима Кипяткевича было наполовину готово. Художник изобразил на картине фигуры двух красноармейцев, которые, согнув ноги в коленях, как бы парили в воздухе. Фотографам иногда удается заснять в таких замысловатых позах исполнителей гопака. Но красноармейцы, рожденные вдохновенной кистью Кипяткевича, были в полном вооружении, а один даже держал приставленный к глазам бинокль. Нет, они, безусловно, не танцевали.

— Видишь ли, — объяснил художник своему приятелю, композитору Штучкину, — на моей картине пока не хватает лошадей. Стоит их пририсовать — и все станет на место. Полотно, видишь ли, из быта кавалерийских раз'ездов.

— Теперь вижу. Ну так что ж... Нарисуй коней.

Художник горько усмехнулся. А где ему взять подходящую натуру? Разве Штучкин не знает, что летом московские лошади шеголят в легкомысленных соломенных шляпках. На такую лошадь красноармейца не посадишь! Правда, сейчас битюги без головных уборов, но рисовать на улице попросту холодно.

— Положеньице! — посочувствовал Штучкин. — А ты бы, Сима, того... Позаимствовал бы у каких-нибудь там передвижников... так сказать, в порядке освоения классического наследства.

— Неудобно все-таки.

— Что за сентиментальность! Возьми у какого-нибудь Айвазовского лошадку, осмысли ее по-своему — и концы в воду.

— Видишь ли? — промямлил Кипяткевич.

— Чего уж там! Вот я, например. Возьму немного у Шуберта, немного у Брамса, осмыслю по-своему и продаю по два рубля за такт.

На другой день Серафим Кипяткевич отправился на зарисовки в Третьяковскую галерею.

И не зря! Вскоре новое полотно Кипяткевича «Кавалерийский раз'езд» было выставлено в одном из московских клубов. Затаив дыхание, Кипяткевич подкрался на цыпочках к компании красноармейцев, рассматривавших его картину.

— А кони-то краденые! — услышал художник замечание одного из военных.

— Ну да, краденые. У Васнецова! — согласился другой.

— Вороного из-под Ильи свел, а саврасого из-под Добрыни!

Е. и С. ШАТРОВЫ.

Обычные состязания.

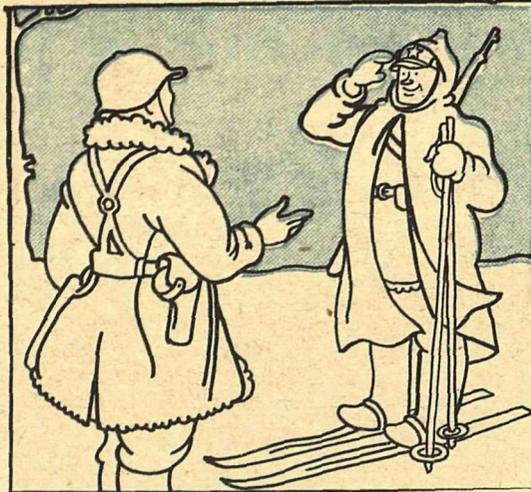
Рис. М. Храпковского

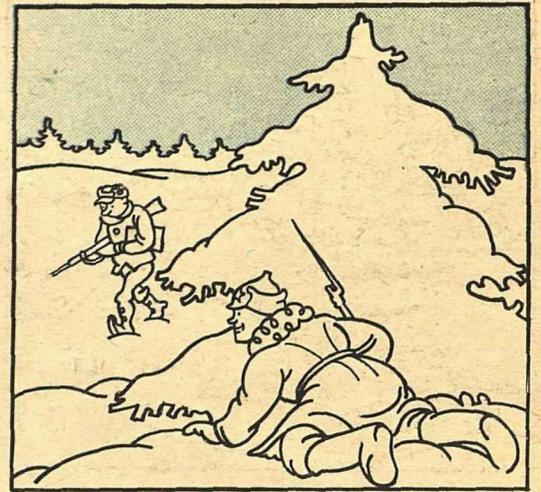
Перед читателем — Вася Теркин, храбрый боец, неутомимый разведчик, ловкий, находчивый и сметливый герой многочисленных приключений, описываемых на страницах красноармейской газеты «На страже родины».

Вася Теркин снискал любовь и популярность среди бойцов Ленинградского военного округа, участвующих в боях с белофиннами. Его именем бойцы часто называют своих товарищей, проявляющих в схватках с врагом хитрость и находчивость. В адрес Васи Теркина приходит множество писем.

Крокодил горячо приветствует своего фронтового друга и помещает описание одного из его приключений во вражеском тылу.

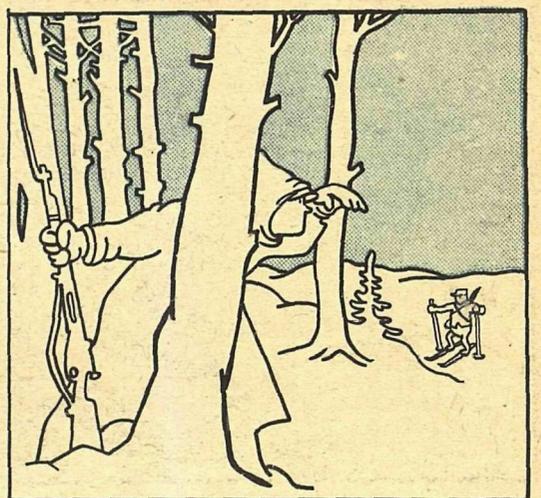
Приказ получен долгожданный
(А приказание — закон!) —
Разведать вражеские планы
И возвратиться с «языком».

В засаде ждать пришлось недолго:
Идет с пакетом белофинн.
Как пропустить такого волка?
План созревает в миг один.

«Скандал! Кто здесь устроил чистку?» —
Несется визг по всей земле!
Одну лишь васину расписку
Нашел дежурный на столе!

«Опять проклятый Теркин это!
Он ловок и неуловим!
Он вынул карту из пакета!
Он планы взял! Скорей за ним!»

Город

НЕ ТАК давно правители города Паникиви объявили состояние войны с Советским Союзом. Одновременно правители Островного королевства стали выказывать правителям Паникиви свое сочувствие, снабжая их всяческими обещаниями. Результатом этой затеи должна была явиться молниеносная гибель Советского Союза, а город Паникиви должен был расширить свою территорию вплоть до Нижнего Тагила.

Но вдруг правительство Островного королевства получило тревожные сведения о положении в городе Паникиви и его окрестностях. Правительство немедленно командировало в Паникиви своего чрезвычайного корреспондента, которому было поручено не считаться ни с какими фактами и составить обстоятельное географическое, экономическое и политическое описание города Паникиви и тем самым успокоить взволнованное общественное мнение. Вот это описание:

«Досточтимый сэръ! Мне было поручено посетить город Паникиви и установить истину о его состоянии.

Согласно собранным мною данным, город Паникиви основан в 1550 году. На свое нынешнее место он был перенесен в 1639 году. В 1939 году, то есть спустя 300 лет, город пожелал перенестись еще дальше и занять огромную территорию — от Балтики до Уральских

гор. По мнению местных специалистов, такое передвижение вполне осуществимо.

Город Паникиви расположен у северного побережья Белофинского залива. Залив — обычное географическое понятие. В городе Паникиви это слово имеет более широкий смысл. На языке правительственных кругов «Белофинский залив» означает способ изложения планов правителей города. Таким образом, слово «залив» является производным от глагола «заливать».

Вблизи Южной гавани находится дворец градоправителя. Рядом помещается главный рынок города. Рынок обычно пустует, так как главная торговля интересами населения, жизнью граждан и честью производится непосредственно во дворце.

Население города делится на две неравные части. Первую часть — несколько десятков человек — составляют «благонадежные». Остальные — какие-то десятки тысяч человек — составляют «неблагонадежные». Причем подавляющее число финских марок находится у «благонадежных». Вследствие этого «благонадежные» и составляют большинство населения.

В городе имеются одна закрытая (на замок) школа, один ликвидированный музей, 20 битком набитых тюрем и 40 битком забитых магазинов. Из действующих культурных учреждений обращает на себя внимание Шведский театр. Спектакли Шведского театра в настоя-

щее время происходят в помещении добровольческих пунктов, где разыгрываются исключительно комедии. Действующие лица этих комедий всюду одни и те же: десять шококорцев и один упирающийся «доброволец».

Над входом во дворец градоправителя укреплен герб города Паникиви. Герб претерпел некоторую эволюцию. В свое время он изображал льва, стоящего на задних лапах и держащего в правой передней лапе обнаженный меч. Затем вместо льва появился на гербе пес, стоящий на задних лапах перед двумя фигурами во фраках и цилиндрах. В настоящее время герб города Паникиви имеет такой вид: сохранив традиционную форму, он изображает зайца, стоящего на задних лапах и замахивающегося мечом на восток.

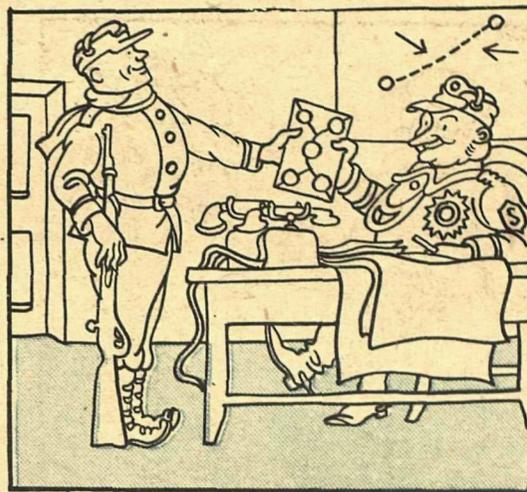
Недоброжелатели рисуют картину полного упадка, развала и расстройств городской жизни в столице. Ничего подобного я не обнаружил. Восхищенному взору добросовестного наблюдателя представляется панорама кипучей жизнедеятельности, добротного благополучия и растущего процветания. Увидеть в Паникиви что-либо иное могут только люди, не умеющие отличить белого от черного. Между тем именно в Паникиви белое резко отличается от черного, а что касается черного, то этот цвет здесь выгодно сочетается с белым, образуя причудливую игру красок.

Васи Теркина

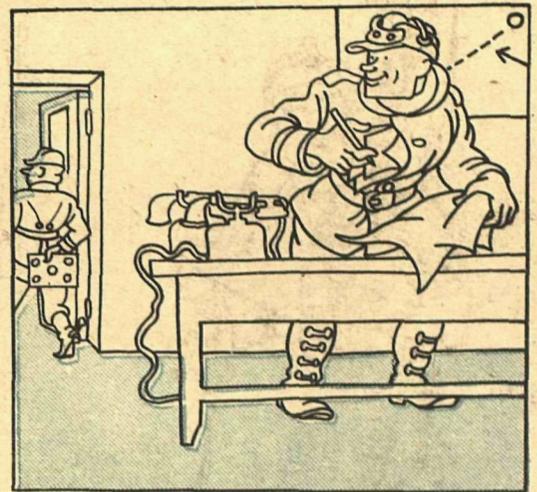
Текст Ал. Роховича

«Ни с места! Стой!» Через минуту
Бандит остался на снегу...
«Письмо по точному маршруту
Я сам доставлю в штаб врагу».

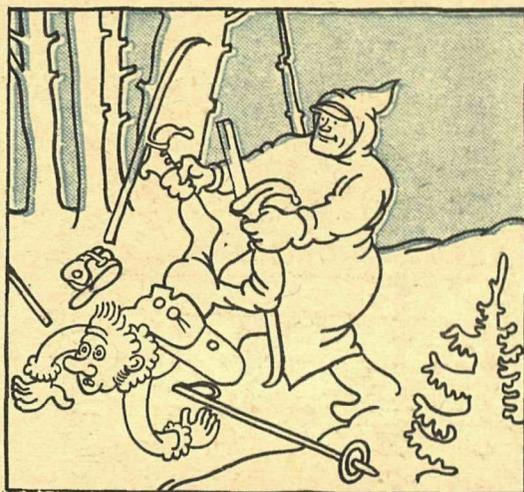
Одевшись в форму белофинна,
Явился Теркин в штаб врагов.
Вручает он вполне невинно
Пустой пакет без лишних слов.

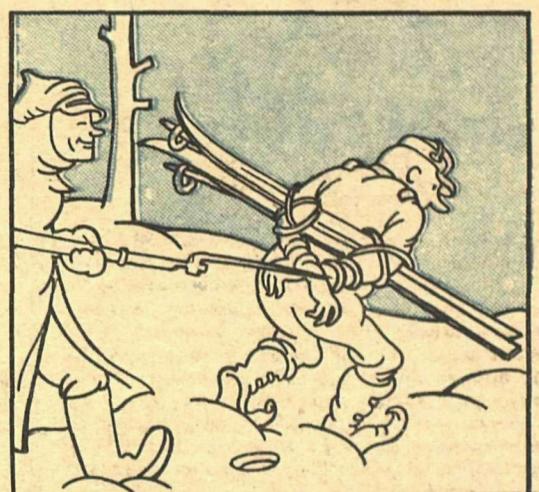
Чего стоять теперь без толку?
Пошел штабной решать дела...
Собрал разведчик втихомолку
Все документы со стола!

«Теперь его не провороню!
Получит Теркин пулю в лоб!»
Но видит наш герой погоню
И зарывается в сугроб.

«Куда? Постой, постой, не балуй!»
Смотрю: на лыжах кто спешит?
Охотник я весьма бывалый,
А на ловца и зверь бежит!

Закончили прогулку вместе.
Куда идти? Покажет штык!..
Заданье выполнено с честью:
И план доставлен и «язык».

Паникиви

Паникиви—белый город, переживающий сейчас черные дни. Учитывая местные особенности, это надлежит расценивать как признак особого благополучия. Дальнейшие наблюдения только подтверждают этот вывод. Так, белые правители города заняты черными делишками. Отраднее впечатление производят наблюдавшиеся мною черные, обгоревшие остовы подожженных домов. На фоне белого снега это зрелище выглядит чрезвычайно эффектно.

Что касается городского благоустройства, то оно не оставляет желать лучшего. Наоборот, чем дальше, тем оно становится хуже, что совпадает с интересами населения. Достигнуты крупные успехи в области лишения жителей света, воды и топлива. Приятно наблюдать, с каким умилением встречают жители города известия о прекращении подачи воды и электроэнергии или о прекращении торговли. Собираясь оживленными группами, жители ожесточенно приветствуют шоцкоровцев, которые, в свою очередь, отвечают им лаской—путем прикосновения плетей и прикладов к лицам и спинам граждан.

Озеленение города производится следующим образом: дома окружаются срубленными деревьями и поливаются два раза в день керосином. Таким образом, в любой момент они могут быть подожжены.

Обильная, сытная духовная пища с успехом заменяет хлеб и другие продукты питания.

Кстати, эти предметы потребления заслужили общее отвращение, и население города охотно и легко обходится без них.

Указанная выше духовная пища распространяется при помощи единственной в городе газеты «Паникуоми». Считаю необходимым привести выдержки из этого солидного органа, дающие представление о последних событиях. Вот, например, передовая в номере от 8 февраля сего года:

«С нами крестная сила.

Божий промысел свершился! В дополнение к могущественным земным силам, действующим на фронте против дьяволоподобных большевиков, на помощь к нам идут непреодолимые всевышние силы. По приказанию самого господ-бога архангел Гавриилайнен сформировал добровольческий корпус херувимов, вооруженных новейшим огнестрельным оружием—огненными мечами образца 4689 года до сотворения мира. Крылья воинственной божьей рати составляют: перья из хвостового оперения святого духа и свежие перья польского орла, оципанного осенью минувшего года. Большевики обречены на гибель, что в свое время было предсказано в евангелии...»

Привожу опубликованную в номере «ОПЕРную сводку»:

«В течение 7 февраля наши доблестные войска при непосредственном участии сонма святых ангелов повели стремительное наступле-

ние, в результате которого были достигнуты следующие пункты: Полтава (Урал), Мытищи-Дону и крупный промышленный центр Яуза».

Привожу также заметку из городской хроники, свидетельствующую о продолжении культурной жизни в Паникиви:

«В помещении Общества бегунов завтра, в 6 часов вечера, состоится инструктивный доклад на тему: «Спасайся, кто может». Доклад читает генерал-от-паникерии Рыдз-Сбиглы. Тезисы докладчика: 1) Как я бежал с поля битвы. 2) Как и чем смазывают пятки для убыстрения бега. 3) Где лучше спрятаться от противника—в Париже, Лондоне или Женеве».

Заканчивая информацию, должен заявить следующее. Собранные мною материалы и личные наблюдения убедили меня в том, что состояние города Паникиви не должно внушать никакой тревоги за судьбу его доблестных руководителей. Можно с уверенностью сказать, что они в любой момент готовы исполнить свой долг и обратиться в бегство, как только пробьет час.

Джон Пипифакс, чрезвычайный корреспондент и наблюдатель.

Перевел и подготовил к печати
А. ИЛЬИЧЕВ

Рис. Л. Бродатъ

33

ОБЯЗАТ
26 ФЕВ
Воскресенье 26 февраля

Получ.
в ред.
24/II
24/II 28/II
9/II

— Сколько самолетов вылетело с нашей базы?
— Сколько не вернулось, столько и вылетело.

Беломорин докладывали
Вавилоняне сам не
серь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Адрес ред.: Москва, 40. Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 203 Сдача текста и рисунков 9/II 1940 г. Подп. к печати 19/II 1940 г. Стагформат 72x105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000
Уполномоченный Главлита № А—25682. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 472. Тираж 275 000 экз.